

ИМПЕРАТИВЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

© 2025 г. М.Ф. Черныш^{а,*}

^аИнститут социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

*E-mail: chernysh@fnisc.ru

Поступила в редакцию 06.12.2024 г.

После доработки 17.12.2024 г.

Принята к публикации 21.12.2024 г.

Представление о пространстве входит в число важнейших компонентов гражданской культуры страны, формируя её базовые установки. Региональное неравенство разрушает общее пространство России, и граждане, проживающие в разных регионах, оказываются в неравном положении, имея в виду их жизненные возможности. Неравенство вызывает ресентимент – скрытое недовольство социальным порядком. Можно говорить о двух вариантах преодоления неравенства: один предполагает стимулирование переезда граждан, живущих в сельских поселениях и малых городах, в большие города, второй – долговременные инвестиции и институциональные реформы, стимулирующие развитие традиционных российских поселений, включая создание там рабочих мест и расширение возможностей самореализации. Первый вариант неминуемо ведёт к падению рождаемости, постепенному вымиранию населения страны и его замещению мигрантами из развивающихся стран, то есть к негативным последствиям, масштаб которых сейчас сложно оценить. Второй вариант предполагает сбережение населения, культурных и экономических ресурсов малых и средних городов.

Ключевые слова: пространственное развитие, неравенство, ресентимент, малые и средние города, креативный класс.

DOI: 10.31857/S0869587325020056, EDN: AGSDMR

Представление о пространстве страны, её пределах и природных ландшафтах – один из важнейших компонентов гражданской идентичности. Исследование, проведённое в начале 1960-х годов американскими социологами, показало, что именно пространственные характеристики становятся осевыми, сообщающими стабильность другим компонентам, которые ослабевают в кризисных обстоятельствах [1]. Так, опрошенные итальянцы критически оценивали политическую систему своей страны, которая в тот момент переживала череду

острых политических конфликтов и противоречий. В то же время прекрасные ландшафты Италии и её древнюю культуру они ставили очень высоко, полагая, что красота, воплощённая в природе и культуре, – это то, что должно быть и по факту является предметом гордости народа, формирующим его мировоззрение.

Гражданская идентичность россиян включает в себя пространственные характеристики, благодаря которым складывается отношение к огромной и разнообразной по климатическим особенностям и ландшафтам территории страны. Наряду с достижениями культуры пространство выступает как материальное воплощение цивилизационной особенности России и залог её будущего процветания. В то же время территориальное неравенство, разрывы, которые возникли вследствие социально-экономических трансформаций, вызывают у большинства российских граждан болезненную реакцию: страна с 11 часовыми поясами “усыхает” до размеров столиц и окружающего их ареала, а остальные регионы оказываются своего рода придатками к ним, единственное назначение которых состоит в том, чтобы обеспечивать своими ресурсами – природ-

ЧЕРНЫШ Михаил Фёдорович – член-корреспондент РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

ными и человеческими — процветание центра и его дальнейший отрыв от провинции. Неравенство в его территориальном разрезе провоцирует появление ресентимента — явной и неявной неудовлетворённости тем, как организована социальная и экономическая жизнь в стране, прежде всего тем, как распределяются её ресурсы. Речь идёт о нарастающем противоречии между ценностью территории, с одной стороны, и региональной дифференциацией — с другой. Исходом этого противоречия становится конфликт между идентичностями — общероссийской и региональными, причём первая становится номинальной, констатируемой по факту, а вторая действительно значимой, включающей в себя сильную аффективную компоненту.

Вопрос, на который необходимо дать ответ в этом контексте, может звучать следующим образом: какие тенденции в социальной и экономической жизни усугубили региональное неравенство, затухание жизни в одних случаях и бурный рост в других? Таких причин немало и во многом они коренятся в истории российского государства. К началу XX столетия доля развитых городов в общем числе городских поселений была относительно невелика: “Города принято также классифицировать на доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные. Доиндустриальный город выполняет главным образом административную, военную и аграрную функции, индустриальный город — промышленную, торговую и транспортную функции, а в постиндустриальном городе ведущее место принадлежит сервисной функции, в которую включается и культурная деятельность. Основываясь на этих критериях, получаем следующую типологию 612 российских городов на 1897 г.: 219, или 35.8% всех городов, относились к доиндустриальному типу, поскольку в сельском хозяйстве, администрации и армии было занято либо более 50% самодеятельного населения, либо больше, чем во всех отраслях городской экономики вместе взятых (т.е. без рантье и пенсионеров); 390, или 63.7% всех городов, относились к индустриальным, так как главными или ведущими отраслями городской экономики являлись промышленность, торговля, транспорт и финансы; наконец, только в 3, или 0.5% всех городов (Петербурге, Одессе и Киеве), главным или ведущим стал так называемый третичный, сервисный вид деятельности” [2, с. 819].

К началу XX в. на территории России имелось, по сути, одно полностью отвечающее дефиниции “город” поселение — столица империи Санкт-Петербург. Дело не только в том, что это был самый крупный по численности жителей город. От других городов столицу отличали полные признаки городской жизни: развитая инфраструктура, включая транспорт и коммунальное хозяйство, высокая концентрация учебных заведений, в том числе элитарных, культурные объекты, значимые не только

для города, но и для страны в целом. Кроме того, Петербург не делился на урбанизированный центр и сельский посад, более напоминающий деревню и её быт. В дальнейшем пальма первенства перешла к Москве, которая в советское время росла бурными темпами и быстро превращалась в наиболее развитый мегаполис страны с наилучшим уровнем обеспечения практически по всем направлениям — торговля, транспорт, образование, наука, искусство. В какой-то мере конкуренцию Москве составляли столицы союзных республик, хотя, разумеется, не все. По советской классификации в число городов первой категории, обеспечение которых и капиталовложениями, и товарами было наилучшим в стране, вошли только Москва, Ленинград и Киев. Остальные столицы, хотя и отличались более высокими, чем провинциальные города стандартами жизни, до уровня трёх лидеров не дотягивали.

Указанные различия оказались достаточно сильными, чтобы запустить миграционный механизм, но его масштабы имели институциональные ограничения. Во-первых, переезд сельского населения и населения малых городов в Москву и Ленинград сдерживал институт прописки: чтобы прописаться в столице, необходимо было иметь работу, а устроиться на работу можно было, только имея прописку [3]. Правда, действовала практика найма по лимиту, то есть по трудовому договору с предприятием. Институциональный запрет можно было преодолеть и другими способами, в том числе путём фиктивного брака. В то же время существовавшая система институтов не только сдерживала переезд в крупные города, но и разными способами поощряла тех, кто был готов мириться с особо трудными условиями труда и быта. Например, работающие на Крайнем Севере и приравненных к нему местностях получали существенную северную надбавку к заработной плате. Предоставлялись и другие льготы, например, дополнительные оплачиваемые отпуска (на срок до 18 дней), оплата государством проезда до места отдыха, зачёт одного года работы в районах Крайнего Севера за один год и шесть месяцев при исчислении стажа, дающего право на получение пенсии по старости и по инвалидности, и др. Труд работников оборонных и других наиболее важных с точки зрения обеспечения государственной безопасности и экономической значимости предприятий оплачивался по более высоким тарифам, чем занятых на заводах и фабриках, не имевших специального статуса. Власти считали необходимым поощрять учёных, работавших в научных городках: социальная инфраструктура и обеспеченность этих поселений поддерживалась на относительно высоком уровне. Создавались точки притяжения для молодёжи, например, комсомольские стройки, где возможности продвижения по службе и выстраивания карьеры были выше, чем в столицах.

Эти меры имели ограниченную эффективность и не могли остановить работу “миграционного насоса” — центростремительной тенденции. При всех огорках жизнь в больших городах, а тем более столицах была более комфортной и более перспективной, чем жизнь в малом городе или деревне. Откликаясь на возникавшие территориальные проблемы, власти принимали меры к тому, чтобы по возможности улучшать положение дел в наименее благополучных регионах. Этой цели должны были служить, например, программа развития Нечерноземья, постепенно деградировавшего в социальном и экономическом отношении, и программа ликвидации неперспективных деревень [4, 5]. Предполагалось, что, переселив жителей отдалённых деревень в центральные усадьбы совхозов и колхозов, удастся существенно повысить стандарты жизни сельского населения и, помимо прочего, удержать его от переезда в города.

Противоречия пространственного развития советского периода в полной мере унаследовала постсоветская Россия. Более того, их усугубил острейший кризис, вызванный шоковой терапией, а также непродуманные и, как показала практика, разрушительные по отношению к сложившимся моделям социальной жизни реформы. Молодые реформаторы ставили цель преодолеть доставшиеся от прошлого проблемы посредством радикальных рыночных реформ, рассуждая в духе устаревших, относящихся к иной эпохе либеральных идей А. Смита, полагавшего, что корыстный частный интерес способен непреднамеренно превращаться во всеобщее благо, в расширенное производство товаров и услуг, новые технологии и новое качество жизни. Рыночная экономика, интегрированная в мировую систему торговли, считал Смит, позволяет предотвращать войны, организуя отношения между странами не в логике нулевой суммы, а в логике взаимной выгоды. Политика радикальных реформ, предпринятая в России в начале 1990-х годов, подвергалась обоснованной критике со стороны не только оппозиционных к ней российских, но и зарубежных экспертов, которые утверждали, что становление рыночных отношений невозможно без сопутствующего укрепления опорных социальных и экономических институтов — института частной собственности, независимого суда, эффективных правоохранительных органов [6]. Между тем разрушение ключевых государственных институтов, ставшее следствием распада советского государства, создало среду, в которой развитие цивилизованного рынка было невозможно. На обломках советской государственности возник деформированный, дикий рынок, отличительные черты которого — высокий уровень коррупции и институциональный нигилизм, сыгравший роль тормоза по отношению к любым программам развития.

В парадигме современной общественной науки противопоставление частного интереса общему, рынка государству отвергается как любая идеальная

схема, в которой не учтён в полной мере исторический опыт многих стран и обществ. В своё время влиятельный американский экономист К. Поланьи, изучая становление современных рынков, пришёл к выводу, что их масштабирование за пределы конкретных поселений и локальных сообществ было бы невозможно, если бы не возникло государство, которое устанавливало общие правила обмена, общую валюту, строило развитую систему коммуникаций, которыми могли пользоваться все участники рыночных взаимодействий [7]. Государство имело огромное влияние на рынок, поскольку не только определяло правила, но и ограничивало рыночный произвол, который обладал и обладает деструктивной силой. По своей природе агенты рынка заинтересованы в коротких циклах, приносящих быструю и максимально возможную прибыль. Эти свойства рынка проявлены в наибольшей степени в тех случаях, когда институциональная основа экономических отношений слаба, а их участники рискуют в какой-то момент стать жертвами силового произвола. Именно поэтому рынок развивается особенно быстрыми темпами в таких областях, как торговля, услуги, финансы, жилищное строительство, которые концентрируются в крупных поселениях. Агенты рынка неохотно инвестируют средства в депрессивные регионы, небольшие поселения, где отдача от капиталовложений невелика, а возможности развития либо ограничены, либо отнесены на дальнюю перспективу. Господство рыночной логики усиливает действие “миграционного насоса”: стремясь преодолеть бедность, жители неблагополучных регионов, особенно молодые, массово покидают родные места, переезжая в большие города. В результате малые населённые пункты продолжают деградировать, а относительно крупные, напротив, получают импульс к развитию, нередко ограниченному сферами торговли, услуг и финансов.

КАКОВЫ ЖЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РЫНОЧНОЙ ГЕГЕМОНИИ?

Во-первых, на протяжении нескольких лет, а иногда и дольше новые горожане оказываются в нестабильном положении, зачастую не располагая необходимыми компетенциями, не имея постоянного жилья, гарантированной занятости. В результате они нередко откладывают решения, которые следует принимать на ранних этапах жизненного цикла, — о создании семьи, рождении детей. Как показывает не только российский, но и зарубежный опыт, рождаемость в больших городах, как правило, низкая, в лучшем случае кумулятивный коэффициент рождаемости составляет 1.2–1.5, что существенно ниже уровня естественного воспроизводства [8]. Ориентируясь на невысокие стандарты жизни большинства населения, строительные компании возводят жильё, рассчитанное на одного-двух человек,

а в последнее десятилетие на рынке появились квартиры площадью до 30 м². Подобное жильё исключает саму возможность совместного проживания нескольких человек, создание семьи и рождение детей. Именно так распорядился рынок, зафиксировавший спрос на недорогие квартиры с невысокими потребительскими свойствами.

Во-вторых, и это отмечено уже в ранних исследованиях города, например в работах Г. Зиммеля, мегаполис имеет свойство универсализировать среду обитания, формировать схожие потребности и потребительские практики [9]. В современной глобальной экономике, где основными производителями товаров и услуг стали транснациональные корпорации, большие города превратились в носителей единой глобальной культуры, подпитываемой общими гедонистическими устремлениями. Этот факт зафиксировала в своих работах голландский социолог С. Сассен [10]. Глобальная культура и генерируемые ею идентичности вытесняют на периферию идентичности и ценности национальной культуры. (Речь идёт прежде всего о культурных доминантах, сформированных исторически и принимаемых априори большинством граждан страны.) При этом именно крупные города сильнее, чем иные типы поселений или территории, притягивают к себе иностранных мигрантов, которые образуют внутри города культурные и географические анклавы, где воспроизводятся их национальные культурные образцы. В то время как глобализованная культура большого города стимулирует индивидуализацию образа жизни и ослабление социальных связей, диаспоры акцентируют коллективизм, круговую поруку и групповую мобилизацию, которые становятся действенными инструментами получения экономических и социальных преимуществ. Нередко это создаёт почву для роста межнациональной напряжённости и конфликтов, с которыми непросто справиться и которые негативно сказываются на межгосударственных отношениях.

Необходимо учитывать, что передача инициативы развития территории рынку создаёт стимулы для развития в первую очередь больших городов, при этом обширные территории опустошаются, превращаясь в ресурсную базу безотносительно к другим их функциям, важным с точки зрения национальных интересов. Государство, особенно такое обширное как Россия, изначально призвано решать важную долговременную задачу пространственного развития страны, создания инфраструктуры, позволяющей полноценно использовать ресурсы, сохранять культуру, включая идентичности и ценности проживающих здесь народов. Подразумевается, что, развивая территории, государство держит под контролем их экологическое благополучие, обеспечивает доступность социальной инфраструктуры для всего населения. Освоение пространства входит в культурный генетический

код России, которая изначально формировалась как государство фронта, расширяющее своё присутствие на новых территориях, цивилизующее их, создающее новые возможности для населяющих их людей.

Помимо общекультурных соображений, потребность в активном пространственном развитии связана с необходимостью поддерживать доступ к природным ресурсам, совершенствовать технологии их освоения. Особая роль в этом принадлежит малым и средним городам, в которых проживает более четверти российского населения¹. Идея того, что малые и средние города не представляют экономической ценности и обречены на вымирание, не имеет под собой серьёзных оснований. Важно принимать во внимание, что эти города очень разные и выполняют разные функции, каждая из которых важна с точки зрения экономического и цивилизационного развития. Во многих случаях это, к примеру, роль хаба, координирующего аграрное производство, переработку и хранение сельскохозяйственной продукции. Другой тип подобных поселений связан с деятельностью оборонных предприятий, на которых заняты квалифицированные кадры – рабочие и инженеры, дефицит которых российская экономика ощущает всё острее. Ещё один тип малых и средних городов обеспечивает сохранение культурных ценностей, которые приобретают всё большее значение, имея в виду задачу сбережения ключевых символов, норм и традиций, определяющих менталитет нации. Такие малые города, как Суздаль и Плещеево привлекают к себе туристов из разных регионов страны; но есть десятки городов, имеющих не меньший туристический потенциал, но не столь известных. Чтобы развивать эти поселения, необходимо проводить целенаправленную политику, включая особый режим налогообложения. Можно считать казусом тот факт, что туристический сбор начали активно использовать не в малых и средних, а в больших городах. Особый режим налогообложения небольших поселений мог бы дать серьёзный толчок развитию в них бизнеса, способствовать созданию новых предприятий, рабочих мест, предотвращая тем самым отток трудовых ресурсов, стимулируя развитие не только этих поселений, но и экономики страны в целом.

В 1960-е годы А. Печчеи, один из создателей Римского клуба, предположил, что развитие крупных корпораций, внедрение универсальных принципов управления в разных их филиалах и подразделениях положительно отразится на состоянии тех регионов, в которых они функционируют [11]; на новый уровень выйдет развитие инфраструктуры, у местных жителей появятся стимулы к получению образования. Российский опыт не подтвердил эту гипотезу: крупные корпорации и компании, имеющие огромные прибыли, неохотно инвестируют

¹ Росстат: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>

в развитие территорий, живут короткими циклами, не помышляя о будущем. Работает не логика Печчеи, а логика Поланьи: крупный бизнес, если только его деятельность не регулирует государство, ориентирован исключительно на максимизацию прибыли, снижая по возможности все другие издержки. Иначе говоря, цивилизационное развитие российского пространства должно осуществляться под контролем государства, устанавливающего стандарты социальной жизни и благополучия осваиваемых территорий. В противном случае российские регионы обречены на социальную и экологическую деградацию, а их население — на жизнь в неблагоприятной среде и работу на вредных производствах с низкой оплатой труда.

Как представляется, важным с точки зрения национальной безопасности и процветания страны является такой тип малых и средних поселений, как города науки. Изучая “креативный класс”², автор соответствующей теории американский экономист и социолог Р. Флорида пришёл к выводу, что важнейшее условие продуктивности этого класса — “короткое расстояние” между его представителями, то есть постоянное общение, взаимодействие друг с другом [12]. В разных культурных контекстах подобное взаимодействие осуществляется по-разному. В западноевропейских странах учёные и вузовские преподаватели сконцентрированы в пределах кампуса — университетского городка, имеющего развитую научную инфраструктуру и широкие возможности общения — вертикального (преподаватель—студент) и горизонтального (преподаватель—преподаватель). В кампусах расположены научные центры, лаборатории, клиники и музеи, сохраняющие память о научных достижениях прошлого. В России аналогом кампуса стали города науки, некоторые из них обладают международным статусом (Дубна, Новосибирский академгородок). Число наукоградов определяется приблизительно, отчасти потому, что некоторые из них — закрытые. В настоящее время в открытом доступе упоминаются 70 поселений, профиль которых связан с научной деятельностью. В их числе такие известные центры науки, как Дубна, Троицк, Обнинск, Королёв, Жуковский, Пущино и др. Даже простое перечисление наукоградов позволяет понять, какую роль они сыграли в истории российской науки и страны в целом. Ослабление, тем более закрытие наукоградов неизбежно приведёт к ослаблению российской науки, её деградации в кадровом и иных отношениях.

В настоящее время политика российского государства нацелена на обслуживание потребностей

² Креативный класс — предполагаемый социально-экономический класс, ключевая, по Р. Флориде, движущая сила развития постиндустриальных городов; в основном это деятели науки, образования, высокообразованные профессионалы, а также представители творческих профессий.

рынка, фактически созданы условия для максимально быстрого перемещения больших масс населения в крупные города. Именно так и только так можно понимать реформы в сфере образования, а именно введение подушевого финансирования школ, что стимулирует их укрупнение в больших городах и закрытие в сёлах и малых городах. В сельских поселениях хорошо понимают логику государства: закрытие школы — это точка невозврата в развитии населённого пункта, знак того, что государство правдами и неправдами побуждает молодые семьи к смене места жительства, обрекая село или посёлок на вымирание. В сельских школах катастрофически не хватает учителей, а уровень получаемого образования намного ниже, чем в городских. Той же логике следует реформа здравоохранения, приведшая к закрытию фельдшерско-акушерских пунктов во многих сельских районах и сужению возможностей для жителей сёл, малых и средних городов получать медицинские услуги по месту жительства. В совокупности реформы образования, медицины и системы государственного управления (интеграция городов и сёл в муниципальные округа) явным образом способствуют развитию крупных городов, ослабляя поселения других типов. О том, к чему это может привести, говорилось выше.

Помимо прочего, концентрация большинства населения в двух-трёх десятках городов несёт в себе и стратегические угрозы. Как известно, оружие массового поражения наиболее эффективно именно там, где велика плотность населения, а значит, высока вероятность массовых его потерь, особенно в случае массивированных ядерных ударов. Богатая на войны российская история свидетельствует, что обширная территория нашей страны — это не только экономический, но и военно-стратегический ресурс, освоить который — непросто, если вообще выполнимая, задача для недружественных держав.

Итак, подыгрывание сиюминутным интересам рынка, которое характерно для пространственной политики Российской Федерации, несёт в себе вызовы и угрозы, масштаб которых в настоящее время сложно оценить в полной мере. Долговременные интересы нашего государства, связанные с расширением его ресурсной базы, экономических возможностей, повышением качества жизни населения, сохранением суверенитета и национальной культуры, могут быть реализованы только в рамках комплексной программы пространственного развития территорий, программы, которая должна охватывать не только и не столько регионы, которые уже демонстрируют быстрый рост, сколько обширные неосвоенные земли, а также те, которые приходят в запустение и без государственного вмешательства в обозримой перспективе могут обезлюдеть и превратиться в пустыню.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014.
Almond G., Verba S. Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Moscow: Mysl, 2014. (In Russ.)
2. *Миронов Б.Н.* От традиции к модерну. Т.1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
Mironov B.N. From tradition to modernity. T.1. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2014. (In Russ.)
3. *Кордонский С.Г.* Социальная структура и механизм торможения // Постигание. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс, 1989. С. 36–52.
Kordonsky S.G. Social structure and the mechanism of inhibition // Comprehension. Perestroika: glasnost, democracy, socialism. Moscow: Progress, 1989. Pp. 36–52. (In Russ.)
4. *Мазур Л.Н.* Политика ликвидации неперспективных деревень в 1960–1970-е гг.: истоки, этапы, реализация, результаты (на материалах Урала) // Россия в XX в.: история и историография: сб. научных статей. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. С. 92–122.
Mazur L.N. Policy of liquidation of unpromising villages in the 1960–1970s: origins, stages, implementation, results (based on materials from the Urals) // Russia in the 20th century: history and historiography: collection of scientific articles. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2002. Pp. 92–122. (In Russ.)
5. *Щевельков А.И.* Аграрная политика в Нечерноземье в 70–80-е годы // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 9. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2008. С. 180–199.
Shevelkov A.I. Agrarian policy in the Non-Black Earth Region in the 70s–80s // Document. Archive. History. Modernity. Issue 9. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2008. Pp. 180–199. (In Russ.)
6. *Голдман М.* Пиратизация России. Российские реформы идут вкривь и вкось. Новосибирск, Москва: Фонд социопрогностических исследований “Тренды”, 2004.
Goldman M. Piratization of Russia. Russian reforms are going awry. Novosibirsk, Moscow: Foundation for socio-prognostic research “Trendy”, 2004. (In Russ.)
7. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Под общей ред. С.Е. Фёдорова. СПб.: Алетея, 2002.
Polanyi K. The Great Transformation: Political and Economic Origins of Our Time / Under the general editorship of S.E. Fedorov. St. Petersburg: Aletheia, 2002. (In Russ.)
8. *Синицына Д.А.* Рождаемость в двух столичных городах России // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 2. С. 125–137.
Sinitsyna D.A. Fertility in two capital cities of Russia // Population. 2024, vol. 27, no. 2, pp. 125–137. (In Russ.)
9. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018.
Simmel G. Big cities and spiritual life. Moscow: Strelka Press, 2018. (In Russ.)
10. *Sassen S.* Global City: Introducing a Concept // Brown Journal of World Affairs. Winter–Spring 2005, vol.11, iss. 2, pp. 27–43.
11. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1977.
Peccei A. Human qualities. Moscow: Progress, 1977. (In Russ.)
12. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика – XXI, 2007.
Florida R. Creative class: people who change the future. Moscow: Classic – XXI, 2007. (In Russ.)

IMPERATIVES OF SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA**M.F. Chernysh^{a,*}***^aInstitute of Sociology, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia***E-mail: chernysh@fnisc.ru*

Perception space is one of the most important components of a country's civic culture. It lays the basis for its fundamental values and attitudes. Regional inequality undermines the common space of the Russian Federation. It boosts inequality as far as life chances are concerned. Regional inequality provokes resentment and latent dissatisfaction with the existing social order. There are two options for coping with inequality. One consists in creating stimuli for migrations of rural and small city residents to big cities. The second one presupposes longterm investment and institutional strategy to develop traditional Russian settlements, to create jobs and expand the possibilities of self-realization. The first option will inevitably lead to a drop in birth rate and gradual reduction of the country's population and ultimately its replacement with migrants from the developing countries. The first option might lead to unpredicted negative consequences of the scale that is difficult now to foresee. The second option would set out to sustain the size of the population and secure cultural and economic resources of small and medium-size cities and towns.

Keywords: territorial development, inequality, resentment, small and medium-size cities, creative class.